

ВСПОМИНАЯ ПЕРВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ...

Е. Ю. Протасова, Е. В. Рахилина

Катя Протасова и Катя Рахилина: Экспедиция — это такое место, где люди сближаются на всю жизнь. Вот так мы познакомились с Катей, с которой учились на ОСиПЛе с разницей в год: мы попали в одну экспедицию. Только для одной из нас эта экспедиция была вторая и последняя, а для другой — первая из череды следующих. Ровно 40 лет спустя мы сидели за столом и по очереди вспоминали, как это было — но наши воспоминания начинаются раньше.

T260+

К.П.: Когда я думала, кем стать, моя мама, которая работала вместе с тётёй Жени Гласко (позже Чернозатонской) решила, что будет полезно, если Женя придёт к нам домой и расскажет о том месте, где она учится. Женя рассказала об ОСиПЛе, особо подчёркивая, что самое интересное — это экспедиции, олимпиады и самостоятельные работы (курсовые и диплом). Успешно приняв участие в олимпиаде и поступив на Отделение, я уже не сомневалась, что нужно стремиться попасть и в экспедицию, и как только представилась такая возможность, стала заниматься в группе, готовившейся к поездке на Кавказ.

Первая экспедиция была очень интересная, там был чамалинский язык, работа с информантами во всех её особенностях — лучшая лингвистическая школа; с тех пор моя полевая работа никогда не заканчивается. Постепенно мы начали понимать отдельные фразы в речи местных жителей и как-то отвечать им, а к концу целую песню, содержание которой выражалось строчками: «Я поеду в Махачкалу, я пойду в ресторан». Чрезвычайно увлекательно было смотреть на обычаи и нравы местных жителей, такое близкое общение с людьми другой культуры было внове. Поражала их сила: однажды я провалилась в какую-то расщелину, и местный человек, прищипывая языком, смог вытащить меня оттуда, просто держа за руку. Экзотический вид спорта — бросание камней призматической формы над пропастью; когда их закручивают, они издают своеобразный звук и описывают странную траекторию. Восхищение вызывали старушки, переходящие пропасть по канатам и узким мостикам. Нам всё время говорили, что нужно будет пройти

это испытание. Однажды меня пригласила домой местная женщина; у нас с ней не было общего языка, она не говорила по-русски; она угощала меня тем, что они обычно едят, лепёшкой с травами и кислым молоком. Тамошнее молоко вообще пахнет травами. У старой мечети собирались на завалинке старейшины. Женщины носили огромные вязанки — то веток, то травы. Нам дали поката́ться на осле. Вокруг — красота, к которой мы не привыкли, дали, снежные вершины, но как-то раз местные жители решили показать нам самое красивое, по их мнению, место, для чего отвели ещё выше в гору, там находилась довольно ровная, покрытая травой полянка, со всех сторон окружённая кустами и деревьями, так что окружающие горы не просматривались. Это место было бы обычным видом в средней полосе России, именно к этому мы привыкли, а в здешних условиях по контрасту казалось восхитительным своей незаурядностью.

Мне очень нравилось общение с нашими руководителями. Александр Евгеньевич и бывал, и не бывал с нами, когда же его не было, про него всё равно вспоминали и рассказывали. Сандро Васильевич был окружён мифами. Хотелось научиться различать 12 степеней фарингализации, как и он, и мы бесконечно тренировались в произнесении этих и других звуков. Популярно было также разговаривать по-русски так, как говорят информанты, например, «Он вставая-встал». Это был контактный вариант русского языка, и это тоже то, чем я занимаюсь до сих пор.

В составе группы были Ира Самарина, Марина Поливанова, Федя Бабицкий. Уже по дороге были разные светские игры, сначала в поезде МПС, потом бесконечные шарады, ассоциации и мнения в кузове грузовика, вечерние посиделки продолжились и на месте. Это было лето, когда летали и стыковались космические корабли, советский «Союз» и американский «Аполлон», и Федя Бабицкий сочинил частушку: «Мой милёнок на меня наезжает юзом, мы теперь два корабля — Аполлон с Союзом».

К.Р.: В экспедицию меня позвал Александр Евгеньевич Кибрик. В отличие от Кати, я об экспедициях ничего не знала, да и на ОТиПЛ поступала, в общем, случайно: просто выбрала место, где был такой странный набор экзаменов — математика и литература, потому что не хотелось расставаться ни с тем, ни с другим. Правда, я успела сходить на олимпиаду и выиграть специальный приз за табасаранскую задачу — вот и всё моё знакомство с Кавказом. На

олимпиаде мне понравилось, а в университете гораздо меньше. Весь первый семестр мне было скучно, хотелось найти что-то другое. Я отлично сдала сессию, понимала, что попала в хорошее место, но мне остро не хватало творчества, которое как раз и давали раньше занятия литературой. А литература на ОТиПЛе тогда как раз была, но была странной: это был курс *советской* литературы, на котором учили, что Булгаков писатель второсортный и что гораздо интереснее читать про танкер Дербент, чем про Белую гвардию. Как-то не верилось. Отдушиной были лекции Зализняка (некоторые поразившие моё воображение вещи я помню до сих пор) — но это были только лекции, там нельзя было ничего делать самому, а волшебство Андрея Анатольевича было совершенно недостижимым.

Переменилось для меня всё во втором семестре, когда пришла Анна Константиновна Поливанова преподавать нашему курсу общую морфологию. Лингвистика оказалась увлекательной. Выяснилось, что можно говорить и спорить, обсуждая пусть уже не Блока и Достоевского, а определение корня, но это ничуть не менее захватывающе. А тут ещё как раз случилось приглашение Кибрика, и я попала в настоящую живую лингвистику — в экспедицию.

Перед отъездом у нас был кавказский учебный семинар. Там рассказывали про дагестанские языки в целом и про те языки, в которые мы ехали. Нас с Катей распределили в чадакологский говор анцухского диалекта аварского языка, а были ещё два села: Тлядал и Бежта. Они располагались на одной горе, мы были на самом вер-ху горы (и считали, что в этом смысле нам повезло больше всех), Тлядал был в середине, а Бежта внизу. Это была огромная экспедиция: три партии, и в каждой партии почти или даже больше 10 человек. Тогда так ездили, а следующие экспедиции сократились до одной маленькой партии — в таких я тоже потом бывала.

Теорию я изучила, а в экспедицию ехать первый раз немножко побаивалась, надо сказать. Путь был длинный: сначала все вместе весело ехали поездом до Грозного плацкартным вагоном — это был знакомый и любимый мой транспорт. Потом летели в Бежту на вертолёте: ветер, шум — и красота долины. До сих пор это единственный раз, что я летала на вертолёте. А вот дальше надо было ехать по горам на машине, это и было для меня самое страшное. Я хорошо знала, что в машине меня всегда укачивает, а уж тем более в горах, и не понимала, как с этим быть. Нашей машиной был кузов военного грузовика ГАЗ-66. Туда грузили вещи, продукты и студентов,

Ф71+

T260

которые ехали выше в гору. Кузов был брезентовый, но, чтобы всё поместились, брезент снимали, и тогда можно было стоять, держась за поперечины — ветер в лицо — и видеть всё вокруг сразу: дорогу, горы, ущелья, небо и облака. И как только я встала в этом грузовике, я поняла, что теперь меня укачивать не будет вообще, никогда и нигде. Я помню это ощущение полёта и счастья, что всё, вся жизнь уже совершенно другая.

К.П.: По дороге наверх Серёжа Крылов пел Окуджаву. У Яши Тестельца был другой репертуар — в частности, он пел одну грузинскую песню о ласточке, которую я знала как армянскую. Бывало, что зад кузова нависал над рекой, и шофёру приходилось проявлять чудеса управления, чтобы не дать машине сползти в реку. Мы приехали и расположились в школе.

К.Р.: У нас была самая маленькая семейная партия из девяти человек: начальниками её были Миша Алексеев и его тогдашняя жена Наташа Кашицына. Миша осуществлял научное руководство экспедицией — как молодой, но известный кавказовед, кандидат наук и сотрудник кавказского сектора Института языкознания. Потом он стал заместителем директора этого института — а теперь его нет на свете. Наташа, надеюсь, жива и благополучна: несколько лет назад я встретила её совершенно случайно в метро — мы разговорились и вспомнили экспедицию. А в тот год она как раз защитила диплом и много об этом рассказывала. Наташа была начальником нашего хозяйства и всей экспедиционной жизни. У них с Мишей была своя комната, и было ещё несколько комнат — женская и мужская жилые, кухня и комнаты, где мы работали. В женской стояли кровати. Там жили мы с Катей, моя сокурсница Лена Гришина и две Катины сокурсницы: Наташа Шифрина и Оля (Лёлик) Кокурина. Лена в этом году умерла, но успела стать замечательным лингвистом и не менее замечательным издателем, а также автором медиа-подкорпуса МУРКО в НКРЯ. Наташа и Оля всегда приходят на ОТиПловские юбилеи. Из мальчиков в нашей партии был Катин сокурсник Андрей Логашин и знаменитый тогда своей игрой в регби и другой светской жизнью Петя Перцов — он был нас старше. Главной комнатой была кухня — там все собирались не только завтракать, обедать и ужинать, но и жить. Может быть, была плохая погода? Всё-таки Чадаколоб расположен довольно высоко. Кажется, действительно, часто шёл дождь.

Работа произвела на меня большое впечатление. Я занималась именным склонением, работала много и тщательно. Никаких общих

научных семинаров у нас не было, и я не помню, чем кто занимался, но главные лингвисты нашей партии Миша с Петей давали мне разные советы: Миша утешал, что диалект попался сложный и разрушенный, систему в моих формах найти очень трудно, а Петя рассказывал, что так и должно быть, потому что вообще язык — это облако.

Петя у нас был главный фонетист — он собирал и проверял словарь, но главное — открывал тоны. Иногда, на следующий день после какого-нибудь экспедиционного праздника, он их закрывал, а потом открывал новые, и опять закрывал... Ну, так было. Потом как-то раз приехал Сандро Васильевич, и они страшно спорили, есть там тоны или нет. Мы слушали с восхищением и некоторой опаской.

Как я теперь понимаю, в именном словоизменении там в принципе не было никакой сколько-нибудь жёсткой нормы: множество разных чередований основы плюс окончания обнаруживались в самых разных вариантах, и я ходила по информантам и все эти варианты фиксировала. Меня завораживали большие картонные карты с перфорацией, на которые надо было всё записывать — и особенно пластиковые цветные вставочки для их сортировки. А потом я написала большой и в буквальном смысле красивый отчёт про словоизменение в этом говоре. Отчёт был рукописный (печатать я тогда, на первом курсе, ещё не умела) и правда очень красивый. Я понимала, что материал необычный, и, чтобы в нём можно было разобраться, переписала его в необыкновенную откудато доставшуюся мне большую картонную тетрадку в коленкоровом переплёте (а время было уже голодное) разноцветными ручками — чередование одним цветом, окончание другим... Где-то он теперь? Там зарегистрированы все формы во всех вариантах, которые я находила.

Пожалуй, в этой экспедиции (а может быть, и в других тоже?) всё-таки работа была не главное. Главное была жизнь, школа жизни, открытие других миров — географических и человеческих. Жизнь высокогорного Дагестана — очень бедная, чумазые дети почти без игрушек. А с другой стороны, учителя, которые бесплатно и добровольно приходили к нам тогда работать над своим языком по несколько часов в день, чувствуя это своим долгом.

И с третьей — сама экспедиция: разные люди очень близко от тебя, и так, что некуда деться: гора ведь. Раньше я ездила со школой в какие-то недолгие походы и даже в школьный летний лагерь, но это были всё ребята моего возраста, дети, а взрослые, за редким

исключением, отдельно, как учителя. А тут как-то взрослые и невзрослые — все вместе, и всё одно: Кашицына была старше нас, наверное, лет на шесть, а Алексеев вообще лет на 10, ему было лет 28, и он казался человеком в возрасте, чтобы не сказать почти стариком. Петя тоже был не молоденький. В общем, с ними было интересно.

Большую роль играла еда. Продовольствие закупами в Москве по большим спискам и везли из Москвы на том же грузовике, который потом обслуживал экспедицию. Поскольку наша партия была маленькая, нам как-то мало досталось, и мы всё время экономии. Помню, в столовой призывно висели палки сухой колбасы, штуки четыре, но их нужно было по возможности растянуть на подольше. Мы должны были с собой везти продукты, каждый должен был сам заготовить какие-то дефицитные товары, и даже по сколько-то банок нести с собой в рюкзаке. Изобилия, однако, всё равно не случилось; кажется, пониже на горе имелся какой-то местный магазин, но совершенно пустой. Правда, у нас был огромный жестяной жбан томатной пасты, которую можно было без ограничений добавлять в любую еду. И Петя говорил: «Дайте ещё томатной пасты!» и на удивлённый вопрос «Зачем?» уверенно отвечал: «Чтобы удивить свой желудок». Это было его ощущение голода, всё время ели макароны с этой томатной пастой.

[К.П.: А однажды приехал Александр Евгеньевич с маленьким Адей, и они привезли огромное количество черешни.]

Между тем Наташа Кашицына (почему не говорят: «Стоимость супа»? — потому что говорят: «Каши цена», это Миша сочинил) была очень хозяйственная, в свои 23 года она умела всё и, что называется, знала жизнь (и заодно, как я вдруг вспомнила, каким-то образом замечательно знала английский). В самые последние дни мы застряли: случился сель и оползень, и дорогу завалило. Наша партия оказалась отрезана от остальной экспедиции. Обычная наша еда кончилась — она не была рассчитана на такую задержку — но вдруг откуда-то усилиями Наташи появились постное масло и картошка, которую мы жарили. Мне это хорошо запомнилось, потому что до экспедиции готовить я совсем не умела — а тут под Наташиным руководством научилась жарить картошку, причём как следует, чтобы была настоящая вкусная хрустящая корочка, — так что потом поражала домашних.

К.П.: Наташа учила нас мыть посуду. Поскольку горячей воды было мало, посуду по её методу надо было мыть в холодной, очень

компактно ополаскивать горячей водой и тут же вытирать полотенцем: тогда вся грязь оставалась на полотенце. А ещё она учила нас мыться в тазу, по очереди, помогая друг другу.

К.Р.: Наташа была фантастической женщиной невысказанной энергии и потрясающей красоты. У неё были очень синие глаза, голубая рубашка и отличные американские джинсы (в то время!), которые как-то округляли движения её плотной фигуры и придавали им особый женственный ритм. Меня, угловатую и не умеющую справиться со своими длинными конечностями, он завораживал. Особенно это проявлялось в танце — а танцы, надо сказать, у нас происходили каждый вечер. Были рабочий кассетный магнитофон (кажется, Романтика или Мечта — что-то в этом роде) и записи Битлз, которые я любила ещё в школе, но в экспедиции существенно расширила свой кругозор. В танце у корпулентного Миши совершенно пропадала грузность и появлялась мягкость и грация, и две эти фигуры — Няка и Мяка, как они себя называли, — смотрелись чрезвычайно гармонично.

Другой бесспорной красоткой нашей экспедиции была Лена Гришина. Её всю жизнь все, даже самые близкие друзья, звали по фамилии — Гришина, реже — Ленка, и никогда — Лена. Лена ей как-то не шло, что ли. Моё восхищение вызывало то, как Гришина лазила по деревьям — она могла легко залезть на любое до самого верха, — для меня это всегда было недостижимо. Её красота была совершенно иного рода, чем Наташина — резкая, вызывающая и бескомпромиссная: чёрная разлетающаяся чёлка, быстрый шаг, почти бег, отстранённый поворот головы, хрупкая и гибкая — в общем, глаз нельзя было отвести, и местные ловеласы (и наши экспедиционные) именно не отводили от неё глаз. Но сблизиться с ней, войти в её мир в этот момент было непросто, хотя мы и были с ней однокурсниками и дружили: у неё только что умерла мама, и сама она была где-то ещё, не совсем с нами: экспедиция развлекала её, но не могла захватить.

К.П.: Гришина говорила, что у каждого человека должна быть с собой одна шмотка, и у неё была такая жёлтая кофта, которую она с собой привезла, чтобы потом, после экспедиции, поехать куда-то на курорт.

К.Р.: Думаю, она собиралась лететь к друзьям в Ташкент, и эта будущая поездка, наверное, занимала тогда её мысли больше, чем экспедиция.

К.П.: В нашей партии не только танцевали, но и пели — у Логашина была гитара. Пели обычно после застолья, битловские песни, а из общих, которые пели хором, было две главных: одна «В траве сидел кузнечик», её пели очень тихо, а вторая — «Врагу не сдаётся наш гордый “Варяг”», её полагалось петь очень громко, особенно разъезжая по горам на машине.

Ф76 Один раз мы ездили в гости в Бежту на день рождения Сандро Васильевича. В Бежте был другой климат, другая погода (у них, например, росли грибы). Кроме того, по сравнению с нашим малюсеньким аулом Бежта — это огромное село, где был даже телефон. Начальником бежтинской партии была назначена Лена Саввина, она давно закончила ОСиПЛ, работала на кафедре или в какой-то прикафедральной лаборатории и даже читала нам потом курс про порождающую семантику. Люди в этой партии были все знакомые — Алёша и Лена Шмелёвы, Максим Кронгауз и Маша Бурас, Лена Мартемьянова — и жизнь там процветала иначе, чем у нас, казалась гораздо более привычной и размеренной. Мы же — там, на холодном и беднячком верху — проходили всестороннюю суровую школу жизни и быта. Я помню, что мы изучали, например, такой вопрос: горит ли чача (эта область для меня была совершенно скрыта), — и она, как оказалась, горела. А чачу приносили из-за гор (из Грузии?) в каких-то бурдюках через перевал.

К.Р.: Приезжал Александр Евгеньевич со своего рода инспекцией — он устроил нам выходной: мы съездили с ним на машине на горный перевал и там ходили на прогулку. В нашу честь местными пастухами был устроен пикник, с бараниной, какими-то фруктами и сыром, всё это было очень вкусно и, действительно, на фоне нашего бесхитростного существования — настоящий праздник.

К.П.: Там были огромные поля маленьких белых рододендронов — прямо шагнуть некуда было, чтобы не наступить на рододендрон. Александр Евгеньевич говорил, что это уникальное место и что это нам от него подарок.

К.Р.: Последний поход произошёл у нас вынужденно, когда случился сель. Тогда партия разделилась: Наташа, Миша и Петя с Андреем в подмогу остались наверху с вещами, а мы спускались 30 км по горе до Бежты с рюкзаками и каким-то местным проводником. Это было весело и очень красиво, а когда мы туда пришли, остальные доехали на машине, потому что завал быстро расчистили.

Так что под конец экспедиция превратилась в приключение и путешествие — и было жалко его прерывать: обратно я решительно поехала из Махачкалы на машине до Москвы — с Алексеевым, Логашиным и Кашицыной, которые сопровождали экспедиционную поклажу.

А на будущий год — в новую экспедицию, в Буху.